

УДК 340.1-321.1

**ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗАЦИИ ИДЕИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА
В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ В КОНЦЕ XX ВЕКА****Б. Я. Бляхман**

Любое общество в принципе можно рассматривать как гражданское, положив в основу анализа некоторые критерии:

1) наличие в обществе экономических и иных свобод и прав;

2) наличие в сознании индивидов чувства патриотизма и ответственности за происходящие события;

3) наличие в обществе негосударственных, не политических объединений;

4) наличие в обществе ценностных столкновений (противоречий) между прогрессивными индивидуально-групповыми (общечеловеческими) и стагнационными тоталитарно-государственными.

Проанализировать подобную ситуацию в условиях современного ему Восточно-Европейского общества пытался польский ученый Ежи Шацкий, который отмечал, что в Восточной Европе гражданское общество имеет ярко выраженную коллективистскую окраску. Даже то, что находится в отдалении от государства, в не меньшей степени удалено от идеи автономной, зависящей лишь от самой себя личности, на которую опирается западная идея гражданского общества. В Восточной Европе индивид, принадлежащий к гражданскому обществу, глубоко погружен в коллективистский контекст, который и определяет его отношение к государству [4, с. 16]. Общество, по мнению Е. Шацкого, под властью тоталитарного государства было не только поработщено, что происходит в условиях любой диктатуры, но и подвергалось особому рода поработщению, ведущему в какой-то мере к утрате черт общества как такового. Происходило то, что превращало народ в население. В период тоталитаризма общество было не только закрытым, но и пустым, лишенным фундаментальных общественных ценностей. А потому проблема заключалась не только в том, чтобы избавиться от навязанных государством ограничений, но и возродить, восстановить подлинные связи между людьми [4, с. 17]. Е. Шацкий, перефразируя Р. Арона отмечал также, что идеал общества, в котором каждый сам выбирал бы себе ценности, может воплотиться лишь в том случае, если отдельные индивиды уже подготовлены к общественной жизни. Чтобы каждому человеку могла быть предоставлена возможность действовать в частной сфере собственных решений и собственного выбора, необходимо, прежде всего, чтобы все или большинство хотели жить вместе, а также признавали истинной одну и ту же систему идей и одну и ту же формулу законности. Чтобы общество было свободным, необходимо, чтобы оно существовало [4, с. 16].

С точки зрения Е. Шацкого, программа создания или воссоздания гражданского общества в Восточной Европе предполагала эмансипацию и ресоциализацию индивида, т. е. одновременно и возрождение его автономии, и восстановление его соли-

дарности с другими индивидами. По мнению Е. Шацкого нетрудно доказать, что и на Западе идея гражданского общества не была лишена подобных общественных и моральных элементов, но между западно- и восточноевропейской идеями гражданского общества есть принципиальные различия. Во-первых, еще до появления концепции Дж. Локка на Западе произошло протестантское переосмысление роли личности в выборе ценностей, следовательно, появилась возможность акцентировать внимание общества на эмансипации личности. Во-вторых, на Западе гражданское общество было некой реальностью, естественной социальной средой, в которой существовала личность. Например, в экономике его инфраструктуру составляли стихийно развивающиеся капиталистические отношения. В восточной же части Европы гражданское общество появилось как идеологическая конструкция. Более того, речь шла о создании нового морального и общественного порядка, экономическая база которого оставалась в высшей степени туманной [4, с. 18].

В Восточной Европе индивид, принадлежащий к гражданскому обществу, не просто разумная личность, а человек, думающий о справедливости, и в свободное время вступающий в определенные отношения с другими, придерживающимися аналогичного образа мысли людьми. Идея гражданского общества во многих случаях в Восточной Европе совмещалась с идеей рабочего самоуправления, фундаментального принципа самоорганизации. Таким образом, утверждает Е. Шацкий, давно сформировавшаяся в западной политической мысли идея гражданского общества подверглась в Восточной Европе переосмыслению: где гражданин – это не «буржуа» (свободный предприниматель), а гражданство [4, с. 19].

Гражданское общество относится к явлениям из сферы верований и символической деятельности. Гражданское общество отождествляется в данном случае с более или менее широкой ориентацией социальных субъектов и гражданством, понимаемым в широком смысле и истолкованием моральных норм. Условием существования такого гражданского общества является ценностный консенсус между его членами. Данный консенсус касается нравственного и социального порядка, которому они добровольно соглашаются подчиняться. Касается он и важнейших моральных ценностей, на которых строится гражданское общество. Именно этот ценностный консенсус связывает друг с другом отдельных членов гражданского общества, способных действовать как единое целое.

В Восточной Европе редкое исключение составляли теоретики, ставившие под сомнение морализаторские представления о гражданском обществе как о братстве людей, ставших активными дея-

телями оппозиции в отношениях с государством. Лишь немногие поднимали вопрос о необходимости «распространения гражданского общества на сферу экономики». Пока этого не произойдет, деятельность принадлежащих к гражданскому обществу индивидов останется всего лишь разнообразяющим повседневные будни «хобби», не оказывающим серьезного влияния на основное течение общественной жизни, а потому делом чрезвычайной важности является поддержка всего, что ведет к расширению частной и групповой экономической деятельности, основывающейся на мотивах получения прибыли.

Анализ Восточно-Европейских проблем в экономике и гражданском обществе 80-х годов прошлого столетия актуален в настоящее время для России. Выводы, сделанные политологами для Польши, Венгрии и Чехии, могут быть использованы для модернизации отношений в экономике Российской Федерации, поскольку пока свобода «регулируемого» предпринимательства в России больше напоминает свободу «регулируемой» эксплуатации.

Можно согласиться с некоторыми положениями, высказываемыми Е. Шацким об ограниченности идеи гражданского общества и ее несовершенстве, привели эту идею в странах Восточной Европы к определенному кризису.

Как представляется Ежи Шацкому, речь может идти о трех причинах ограниченности идеи гражданского общества. К ним относятся:

- во-первых, недопонимание характера отношений между гражданским обществом и государством;

- во-вторых, недостаточное развитие экономических взглядов и отсутствие концепции того, как в условиях, когда государство осуществляет почти полный контроль над экономикой, а граждане в подавляющем большинстве являются государственными служащими, во многом зависящими от работодателя – монополиста, можно добиться общественной независимости;

- в-третьих – чрезвычайная расплывчатость представлений о более справедливом обществе, увлечение идеями моральной общности граждан, а также весьма приблизительные представления о социальных размежеваниях и конфликтах. Преодолеть данную ограниченность было невозможно, и именно в этом корни современной неустойчивости идеи гражданского общества [4, с. 21].

Практическая реализация идеи гражданского общества в странах Восточной Европы 80-х годов XX века, первоначально имела целью противопоставление индивидуальных прав и свобод человека массовому тоталитарному воздействию на общество со стороны государства. Государственная идеология требовала от граждан государства беспрекословного подчинения аппарату государства, составлявшему численное меньшинство, но обладающему основными средствами производства и распределения. Количество политической власти в данном регионе по-прежнему во многом зависело от имеющейся в распоряжении государственного аппарата собствен-

ности. К сожалению, в тот период призывы сторонников идеи гражданского общества распространялись на моральное обоснование претензий на власть и ограничение полномочий государственного аппарата. В основе взглядов идеологов гражданского общества лежало обоснование прав и свобод человека. Интересно, что в последующем идея освобождения от подчинения государственным ценностям стала не самоцелью идеологов общества, а эта идея переросла последующую необходимость нового подчинения коллективным (общечеловеческим) ценностям. Завоевание свободы как индивидуальной ценности неизбежно приводит к новому подчинению в общественной самоорганизации как коллективной ценности.

Следует констатировать, что отсутствие анализа экономической составляющей общественного развития часто приводит исследователей к методологическим ошибкам и неполноте сделанных выводов. Можно согласиться с И. В. Ефимчук, которая отмечала, что за тысячелетия социальной эволюции человечества были освоены и апробированы два базовых типа социально-экономических систем, в которых тесно связаны взаимоопределяющие друг друга экономические и политические принципы организации. Один из них – рынок в экономике и демократия в политике, другой – распределение и авторитарная политическая власть [3, с. 132].

Первый тип экономико-политических организаций характерен для открытых хозяйственных систем, второй – для закрытых.

Человеческие сообщества любого масштаба и уровня развития, поскольку их жизнеобеспечение осуществляется за счет обмена с природной средой, поставляющей человеку необходимые ему ресурсы, представляют собой открытые системы. Но социум можно рассматривать и в качестве закрытой экономической системы, принимая за критерии характер взаимодействия с *внешней социальной средой*, соседними странами и народами. Если в стране жизнеобеспечение большинства населения основывается на собственных ресурсах, расположенных на её территории, а взаимодействие с соседними странами (речь может идти как о силовой экспансии, так и о внешней торговле) экономически незначимо, носит вспомогательный характер, – экономикой такой страны *можно считать закрытой системой*. Если же уровень жизни большинства населения страны поддерживается за счет обмена с внешней социальной средой и недостижим на основе использования собственных ресурсов (как естественных, так и искусственных), такая система будет открытой. В последнем случае расширение обмена с внешней социальной средой автоматически приводит к увеличению взаимодействия со средой природной, поскольку в процесс удовлетворения потребностей населения данной страны вовлекаются и чужие ресурсы.

Закрытая система преимущественно статична, она реализует задачу *сохранения*, а не развития. Отсутствие эволюционной динамики отнюдь не отрицает, а, наоборот, предполагает наличие динамики

функциональной. Однако амплитуда колебаний (то есть динамика разнообразных процессов, идущих в социуме), допустимая в закрытой системе, должна быть ограничена определенными критическими значениями, за пределами которых запускается процесс саморазрушения системы. Такая система строится на доминировании государственной собственности, поскольку именно она структурирует закрытое социальное пространство, придает ему необходимую жесткость и устойчивость.

Опыт аграрных цивилизаций Востока наглядно демонстрирует, что рост частной собственности, выход частной инициативы из-под контроля государства приводили не к экономическому развитию, а к разрушению самой системы, после чего на ее обломках начинался новый хозяйственный цикл.

В закрытой системе, лишенной возможности выйти за пределы очерченных границ (и пространственных, и временных), наладить новые способы взаимодействия со средой, подавление частной инициативы и ограничение частной собственности – не произвол и злонамеренность властей, а *императив выживания*. Гибкие, вариативные, нацеленные на реализацию индивидуальной выгоды связи разрушают закрытую систему, поскольку работают не на прирост богатства, а на его перераспределение, подрывающее устойчивость социума. Закрытая система как бы «зависает» на достигнутой кривой производственных возможностей. В такой ситуации увеличить благосостояние одних можно только за счет уменьшения благосостояния других.

Процесс чрезмерной концентрации собственности приводит к перегрузке социально-экономической системы, разрушению отношений власти собственности и новому этапу децентрализации собственности (передел земли). Но, как считает И. В. Ефимчук, перегрузка системы – процесс неоднозначный, и сбой может произойти как на верхнем уровне пирамиды собственности, так и на среднем уровне, а результат один – разрушение всей хозяйственной системы [3, с. 133].

Для человека, воспитанного на индивидуалистической идеологии Запада, детальная регламентация личного потребления кажется дикостью, нарушающей его естественные права. Однако она рациональна для системы, в которой отсутствует дополнительный приток ресурсов, а любое отклонение от оптимального распределения способно привести к ее разрушению. Разумеется, проще регулировать объемы потребления людей, включенных в жесткую пирамиду власти и обязанных в силу служебного положения беспрекословно подчиняться её правилам. Однако подобный контроль осуществлялся и в отношении всего социума, особенно тех его членов, кто собственной инициативой (обычно торговлей) приумножал свою частную собственность, нарушая имущественную субординацию в системе.

Вторая характеристика аграрных обществ, с помощью которой поддерживалась их стабильность, – патернализм, пронизывающий все государство. На Востоке «...существовал незыблемый консенсус между административным меньшинством и произво-

дящим большинством: первые управляли, вторые производили и находились под надежной опекой управителей, существовавших за счет произведенного ими продукта. Иными словами, труд умственный постоянно и со взаимной выгодой (ощущавшейся обеими сторонами) обменивался на труд физический» [1, с. 101].

Закрытые системы вынуждены подавлять свободу частей во имя выживания целого. Этот принцип относится не только к обществу, но на его примере он отслеживается особенно наглядно. Историками давно зафиксировано, что уровень социальной и имущественной дифференциации в закрытых социально-экономических системах с авторитарной властью выше, чем в открытых, рыночных и демократических. Демократии более равновесны, нежели деспотии; в последних практически отсутствует средний класс, который в современной науке считается основой устойчивости социума. Но именно эта особенность авторитарных систем и требует выработки специальных механизмов, препятствующих увеличению дифференциации выше критического уровня. Власть-собственность, хотя и обеспечивает низкий уровень удовлетворения потребностей людей, но гарантирует его подавляющему большинству населения.

Достигается это за счет системы так называемых «перекрестных прав» («перекрывающих прав» в терминологии Васильева) на землю, владение и пользование которой в аграрных империях – залог выживания. Эта система делала все население совладельцем земли, снижая потенциал социальной конфликтности и препятствуя отчуждению от собственности даже самых бедных и неудачливых. При этом «земля принадлежит и обрабатывающему участок общиннику, и общине в целом, от имени которой ее распределяет старейшина, и региональному вождю, который стоит над старейшиной и поручает ему делить эту землю, и, наконец, верховному собственнику, без согласия которого тоже обойтись невозможно...» [2, с. 83].

Индустриальная цивилизация Запада прорвала базовое ресурсное ограничение, которое не удалось преодолеть остальному миру, – абсолютную редкость земельных угодий, пригодных для сельскохозяйственного использования. Она обрела новый потенциал развития, резко расширила производственные возможности человечества, увеличила численность населения и уровень его благосостояния. Преодоление пространственных и временных ограничений позволило одновременно и повышать эффективность использования уже имеющихся ресурсов, и вовлекать новые виды ресурсов, недоступных (либо нерентабельных) в иных формах хозяйственной организации. Западноевропейская индустриальная цивилизация, в отличие от исчерпавших потенциал развития аграрных обществ Востока, до настоящего времени представляет собой преимущественно открытую систему, активно взаимодействующую со средой – и социальной, и природной – и развивающуюся за счет вещества и энергии среды.

Развитие любой системы (в том числе и индустриального хозяйства) имеет свои границы. Оно ограничено количественными и качественными характеристиками среды, доступной освоению – как природной, так и социальной.

Интенсивное развитие техники и технологий, преодолевающее локальные ресурсные ограничения, если сопоставить его с глобальной кривой производственных возможностей, задаваемой наличием невоспроизводимых минеральных ресурсов, оказывается, по сути своей, *экстенсивным*. Раньше можно было просто увеличивать отдачу от единицы используемого вещества природы. В современной ситуации человек подошел к черте, за которой он должен либо полностью отказаться от использования невоспроизводимых природных ресурсов, заменив их на воспроизводимые (естественные и искусственные) и научившись существовать по законам закрытой системы, либо полностью поменять тип хозяйственной деятельности (и, соответственно, социальную организацию). С приближением к границам освоения среды (очередной, теперь уже глобальной кривой производственных возможностей) потенциал развития системы постепенно сокращается в соответствии с логистическим законом экономического роста, степени свободы ее элементов (личностей, коллективов) уменьшаются, и возникает жизненная необходимость в увеличении упорядоченности, организующего, субординирующего начала. Соответственно, нарастает потенциал конфликтности, поскольку, при отсутствии прироста общественного богатства, приумножать частную собственность одних можно только за счет частной собственности других. Установка на рост личного благосостояния входит в противоречие с потребностью самосохранения системы.

События, происходившие в начале XXI века, наглядно показали, что отношения между Беларусией и Россией не так уж безоблачны, а проблема взаимодействия данных государств по поводу газа и нефти быстро переходит из разряда двухсторонних в международные многосторонние. А возможности урегулирования противоречий на основе международного частного права быстро переходят в разряд международных публичных отношений со всеми вытекающими отсюда последствиями. Возникшие противоречия из разряда региональных переходят в разряд глобальных, поскольку затрагивают интересы практически всех стран потребителей и экспортеров нефти и газа. Противоречия между двумя противоположными социально-экономическими системами: – закрытой (Белоруссия) и открытой (Россия) – могут привести не только к внутреннему конфликту, но и к глобальному. Западные демократические ценности, постепенно внедряемые в России, оказались неприемлемыми для Беларуссии, во многом благодаря тому, что данное государство не обладает мощными природными ресурсами, а также развитыми демократическими традициями. Поэтому объединение России и Беларуссии как двух противоположных социально-экономических систем представляется делом довольно сложным, поскольку

оно затрагивает саму основу существования государств.

Противоречие между социальной и экономической эффективностью и необходимостью его, по возможности, бесконфликтного разрешения лидеры индустриальной экономики осознали еще со времен Великой депрессии. Когда концентрация собственности в развитых странах достигла критического масштаба, под угрозой социального взрыва для восстановления равновесия была произведена работа «на опережение» – частичная деконцентрация собственности «сверху», перераспределение богатства путем проведения государственной социальной политики.

В XX веке индустриальная цивилизация воскресила и другой восточный феномен: систему перекрестных прав собственности, границы абсолютной частной собственности и допускающую большинство населения к совладению ресурсами.

В развитых странах система «перекрестных прав собственности» формировалась по трем направлениям. Во-первых, через каналы государственного перераспределения. Государственная собственность и по букве, и по духу является собственностью всего населения. Она обеспечивает удовлетворение потребностей всех граждан, причем потребностей долгосрочных и краткосрочных, осознаваемых и неосознаваемых. Но современное государство обеспечивает не только совладение населением незначительной долей его собственных активов. Когда аккумулируемые бюджетом финансовые ресурсы направляются на удовлетворение краткосрочных и осознаваемых потребностей малообеспеченных граждан, государство перераспределяет доходы от собственности, принадлежащей одной группе населения в пользу другой.

Второй путь формирования «перекрестных прав собственности» – создание так называемого «общества участия», в котором большинство населения получает доступ к совладению собственностью и присвоению дохода от нее через специальные банки и фонды.

Третий вариант характерен прежде всего для Японии (и в целом для новых индустриальных стран Азии), поскольку опирается на национальные традиции государств.

Традиционный для Востока патернализм гармонично вписался в корпоративные структуры, объединяя всех служащих от высшего руководства до чернорабочих, в некий аналог большой патриархальной семьи. В результате и наниматели, и служащие на «Тойоте» считают, что их интересы совпадают, что предприятие – их общая собственность.

Усиление роли государства и формирование «перекрестных прав собственности» свидетельствуют о снижении потенциала развития мировой экономической системы и попытке приспособиться к новым, более жестким условиям. Однако индустриальная экономика еще не полностью выбрала свой потенциал и не перешла окончательно к статике. Попытки преодолеть очередное ресурсное ограничение и продолжить развитие не прекратились,

причем поиск идет по двум базовым направлениям: и интенсивному, и экстенсивному. Прорыв границ ресурсных ограничений и выход на новую глобальную кривую производственных возможностей будет означать продолжение поступательного развития экономики. Но современный этап имеет две особенности, делающие его принципиально отличным от предыдущих.

Во-первых, современная индустрия не способна существовать в рамках национальных границ. Она распространяет свое влияние на всю планету, превращая последнюю в единый территориальный воспроизводственный комплекс. При этом резко усиливается борьба за лидерство, которую ведут транснациональные корпорации и поддерживающие их правительства, и осложняется положение аутсайдеров, теряющих контроль за собственными ресурсами. Процесс концентрации собственности, который в аграрных цивилизациях протекал в рамках государственных границ, сегодня охватил всю планету, порождая те же проблемы, что и на предыдущем уровне хозяйственной организации, но в гораздо больших объемах.

Во-вторых, масштабы возможной трансформации современной социально-экономической системы отличаются не только количественно, но и качественно. Сегодня как никогда ранее обострился конфликт между краткосрочными и долгосрочными интересами человечества, между потребностью в выживании и развитии.

В данных условиях феномен власти-собственности имеет реальные шансы оказаться не ретроспективой, представляющей интерес для специалистов, изучающих застойные цивилизации, а перспективой всего человечества. Идеи биполярного или многополярного мира можно только приветствовать, если бы они были реализуемы. Но в борьбе различных политических (и экономических) сил всегда есть победители и побежденные. Демократическая форма политической власти возможна только тогда, когда у побежденного есть возможность вырваться за пределы ограничений, накладываемых на него победителем; уйти за пределы системы в среду, которая пока еще свободна, не организована (или организована на более низком уровне), и развиваться за счет вещества и энергии этой среды. Но демократия неприемлема для закрытой глобальной системы, в которой ограниченные ресурсы должны использоваться оптимально, а следовательно, принадлежать лидерам. Когда аутсайдеры не в состоянии найти альтернативные ресурсы, обеспечивающие экономическую и политическую свободу, они вынуждены подчиниться; на том стояли все восточные деспотии.

Подобная ситуация складывается в некоторых государствах – бывших республиках Советского Союза. Полная концентрация власти-собственности в руках однопартийной верхушки привела к разрушению Советской империи. Распределительная система рухнула еще и потому, что в СССР практически отсутствовало идеологически свободное гражданское общество. Амплитуда противоречий, выра-

женных в противостоянии моральных притязаний на власть-собственность со стороны народа (легитимность) и законодательных актов (юридического права), закреплявших право немногих иметь власть-собственность (легальность), выдало такой резонанс колебаний между этими правилами, что система не выдержала. На бывшей территории СССР появились суверенные государства, которые стали самостоятельными субъектами международного права. Некоторые из этих государств продолжали оставаться закрытыми социально-экономическими системами, в том числе и по причине отсутствия у них богатых природных ресурсов, а также низкой производственной базы (Белоруссия, Грузия, Таджикистан, Молдова и др.). Правовые и иные социальные нормы в данных государствах стали противоречить друг другу, вызывая недовольство в обществе, но руководство данных стран не спешило с экономико-правовыми реформами, а принятые законодательные акты оставались формальными и регулировали в основном закрепление политической власти. В ряде стран прошли «бархатные революции» (Украина, Кыргызстан), которые привели к смене политических лидеров и форме государственной системы.

Большая часть республик бывшего СССР пытаются создать открытую социально-экономическую систему (Латвия, Литва, Эстония, Армения, Казахстан, Россия и др.) с привлечением иностранных инвестиций, реформированием экономической и политической систем. Данные государства не препятствуют появлению субъектов гражданского общества, способствуют появлению политического и идеологического плюрализма, поддерживают развитие различных форм собственности. Реформирование системы проходит в данных странах с различным успехом и имеет неоднозначные цели. Одни государства стремятся войти в НАТО и ЕС, другие создать межгосударственные союзы СНГ, Россия-Казахстан, Россия-Белоруссия и т. д.

Нельзя не заметить, что подобные объединения возможны на основе общих интересов, а также сходных социально-экономических и правовых систем. Существующие противоречия не всегда можно преодолеть при помощи двусторонних или многосторонних соглашений. Устранение разногласий иногда находится в противоречии самих систем, а их устранение, возможно, потребует устранения самой системы.

Как отмечает И. В. Ефимчук, концентрация собственности, которая сегодня осуществляется и в границах государств (противостоящие перераспределительные механизмы работают только в развитых странах), и в масштабе всей планеты, ведет к повторению на новом уровне развития прежних закономерностей – перегрузке системы, чреватой саморазрушением социума. В таких условиях выживание целого становится задачей не менее важной, чем развитие частей. Отрицательной обратной связью, противодействующей разрушению, может стать только принудительно-добровольный процесс деконцентрации собственности, причем на обоих

уровнях – и государственном, и планетарном [3, с. 140].

Если судить по опыту социальной истории человечества, о которой наука располагает достоверной информацией, новое всегда рождалось благодаря очень жесткой организации. Переход к производящему хозяйству заставил «цивилизованного человека» тратить на свое жизнеобеспечение гораздо больше времени и сил. Христианство в момент своего возникновения потребовало от своих приверженцев полного аскетизма. Работа на первых промышленных предприятиях мало чем отличалась от каторги. Социалистическая революция в России, осуществленная под лозунгом борьбы с эксплуатацией, на деле привела к усилению нормы эксплуатации трудящихся.

Литература

1. Васильев, Л. С. Восток и Запад в истории (основные параметры проблематики) [Текст] / Л. С. Васильев // Альтернативные пути к цивилизации. – М., 2000.
2. Васильев, Л. С. Феномен власти-собственности [Текст] / Л. С. Васильев // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. – М., 1982.
3. Ефимчук, И. В. Пирамида власти-собственности: будущее планетарной экономики? [Текст] / И. В. Ефимчук // Общественные науки и современность. – 2004. – № 2.
4. Шацкий, Е. Протолиберализм: автономия личности и гражданское общество / Е. Шацкий // Полис. – М., 1997. – № 6.